

ДОМ _____
КУЛЬТУРЫ _____
НЕСБЫВШИХСЯ _____
РОЛЕЙ

АЛЕКСЕЙ КОРНЕЛЮК

Не умирай пока не прочитаешь эти книги

Алексей Корнелюк

Дом культуры несбывшихся ролей

«Автор»

2026

Корнелюк А.

Дом культуры несбывшихся ролей / А. Корнелюк — «Автор»,
2026 — (Не умирай пока не прочитаешь эти книги)

В этом городе человека проще заменить, чем отремонтировать Дом культуры. Через две недели старое здание снесут, подрядчик уже пригнал экскаватор, чиновники готовят торжественную речь, а ночной сторож Павел всё ещё рассказывает, каким великим актёром мог бы стать, если бы жизнь не выбрала за него завод, брак и двадцать лет удобных оправданий. Но за сценой обнаруживается замурованная костюмерная. На каждом костюме — имя жителя и его несбывшаяся роль: «Хороший отец», «Женщина, которая уехала», «Честный чиновник». Если выйти в нём на сцену после полуночи, идеальная версия получает тело и право остаться. Скоро у Дома культуры выстраивается очередь. Люди хотят улучшить себя, заменить супругов и подобрать более удобных родственников. Администрация создаёт комиссию, подрядчик торопит снос, а знаменитый двойник Павла решает, что оригинал городу больше не нужен. И, что хуже всего, город с ним согласен.

Алексей Корнелюк

Дом культуры несбывшихся ролей

Дом культуры несбывшихся ролей

Дом культуры мешал бюджету уже третий год.

Сначала он мешал скромно: протекал над кабинетом хореографа, выбивал пробки во время концерта ко Дню металлурга и раз в месяц выплёвывал из подвала воду цвета крепкого чая. Потом вошёл во вкус. От него отвалилась половина буквы «Б» на фасаде, и над площадью несколько недель висел «ДОМ КУЛЬТУРЫ», будто здание перевели на упрощённую систему налогообложения. Зимой с карниза упал кусок гипсового барабана и убил снеговика, слепленного детьми муниципальных служащих. Весной комиссия обнаружила, что пожарный выход заперт шкафом с грамотами, а ключ от шкафа пятнадцать лет хранился у женщины, которая умерла в Саратове.

После этого Дом культуры официально признали обременением.

Не аварийным — для аварийного понадобилось бы расселять кружки, искать деньги и объяснять областному начальству, почему здание, капитально отремонтированное четыре года назад, вдруг начало расползаться. Обременение было словом удобным. Оно ничего не требовало. Обременением мог быть балкон, старик, предприятие, собственная совесть. Его можно было носить в документах годами и не чувствовать веса.

Павел Курбатов работал в обременении ночным сторожем.

В трудовой книжке его должность называлась «вахтёр по охране муниципального имущества», хотя охранять в Доме культуры было особенно нечего. Музыкальные инструменты давно разобрали по квартирам преподаватели. Усилитель из малого зала украли во время благотворительного концерта в помощь пострадавшим от краж. В кабинете директора стоял сейф, в котором лежали три чистых бланка, засохшая печать профсоюза и бутылка коньяка, предназначенная для чрезвычайных ситуаций. Коньяк Павел не трогал. Он подозревал, что его смерть будет менее неприятной, чем объяснение директору, почему чрезвычайная ситуация произошла без неё.

В половине девятого утра он сидел у служебного входа, пил чай из кружки с надписью «Лучший артист народного театра — 1998» и наблюдал, как на площади разгружалась комиссия.

Первой из серого служебного автомобиля вышла женщина в тёмной куртке, прямых брюках и ботинках, которые не боялись ни грязи, ни человеческих чувств. Она оглядела фасад, посмотрела на трещину над колонной и сразу сделала фотографию. Не для памяти. Для дела.

Следом выбрался Геннадий Борисович Лапшин, заместитель главы города по социальной политике, культуре, молодёжи и всему, что не приносило денег. Он был невысок, плотен и с годами приобрёл ту особенную форму, при которой пиджак кажется надетым на человека ещё до его рождения. Из машины он выходил медленно, потому что однажды защемил спину, открывая мемориальную доску участковому терапевту. С тех пор Геннадий Борисович считал резкие движения признаком политической неопытности.

Третьим приехал Валерий Дронов — подрядчик по сносу. Не на служебной машине, а на чёрном внедорожнике, который занимал на площади столько места, будто уже выиграл конкурс и теперь осваивал территорию. Дронов был лыс, загорел не по сезону и носил безрукавку с множеством карманов. В карманах, по городским слухам, находились рулетка, отвёртка, две сим-карты, разрешение на любые работы и фотография человека, которому лучше не звонить.

Павел отпил чай.

— Началось, — сказал он пустому вестибюлю.

Из пустого вестибюля не ответили. Даже сквозняк сегодня решил не вмешиваться.

Два месяца назад городская администрация постановила снести Дом культуры и построить на его месте универсальную общественную площадку. На эскизе площадка представляла

собой прямоугольник плитки, шесть металлических скамеек и дерево, которое уже на картинке выглядело уставшим. Рядом предполагался «многофункциональный павильон событийности». Павел трижды перечитал эту формулировку и так и не понял, можно ли там будет сходить в туалет.

Снос назначили на двадцать восьмое число.

Сегодня было четырнадцатое.

Дом культуры оставалось охранять ровно две недели, после чего охранять предстояло котлован.

Павел поставил кружку на подоконник и расправил плечи. Он решил встретить комиссию не как сторож, а как человек, который провёл в этом здании тридцать лет. Это были разные люди. Сторож носил связку ключей на карабине, умел выключать сигнализацию и знал, в каком ведре вода после протечки пригодна хотя бы для мытья пола. Другой Павел стоял на этой сцене в девятом классе, играл Хлестакова, сорвал аплодисменты и услышал от приехавшего режиссёра из областного театра фразу, которую потом повторял всю жизнь:

«У тебя есть сцена в крови».

Возможно, режиссёр сказал: «У тебя есть что-то сценическое в лице». Возможно, он вообще обращался к девочке, игравшей Марью Антоновну. Но память — тоже учреждение культуры. Она работает на том финансировании, которое есть.

Павел открыл дверь.

— Доброе утро.

Женщина в тёмной куртке посмотрела на него.

— Вы Курбатов?

— Павел Андреевич. Ночной сторож, но вообще я здесь...

— Ключи у вас?

— Ключи у меня.

— Тогда пока этого достаточно.

Она прошла внутрь, и Павел остался с незавершённой биографией во рту.

Геннадий Борисович протянул ему руку.

— Павел, держимся?

— Смотря за что.

— За культуру, за что же ещё.

Геннадий Борисович произносил слово «культура» так, будто это была тяжёлая сумка, которую ему опять сунули у входа.

Дронов руки не подал. Он постучал пальцем по колонне, посмотрел на осыпавшуюся штукатурку и усмехнулся.

— Пыль уже сама начала. Хороший объект.

— Здесь дети занимались, — сказал Павел.

— Дети везде занимались. В старом морге тоже музыкальная школа была.

— Недолго.

— Но акустика, говорят, отличная.

Павел хотел ответить, но женщина уже стояла у стенда с фотографиями коллективов. На стенде под стеклом выцветали гимнасты, баянисты, ансамбль русской песни «Зоренька» и три поколения детей в одинаковых костюмах грибов. Женщина смотрела не на лица. Она искала следы сырости.

— А вы кто? — спросил Павел.

— Ася Миронова. Управление капитального строительства. Техническая подготовка объекта.

— К сносу?

— К тому, чтобы во время сноса никого не убило тем, что вы до сих пор называете потолком.

Она сказала это без злости. Просто потолок имел характеристики, а Павел — привязанность. В её работе характеристики считались надёжнее.

— Потолок держится.

— Здесь всё держится только потому, что не знает о решении администрации.

Дронов засмеялся.

Геннадий Борисович не засмеялся, потому что не успел понять, относится ли шутка к администрации.

Комиссия двинулась по первому этажу. Ася фотографировала трещины, считала окна, проверяла номера помещений. Дронов шёл следом и оценивал здание с тем вниманием, с каким мясник смотрит на ещё живое животное: где удобнее подступить, сколько выйдет отходов и нет ли внутри чего-нибудь, что можно продать отдельно.

Геннадий Борисович отставал у каждого стенда. Он узнавал на фотографиях людей, с которыми когда-то сидел на президиумах, и всякий раз сообщал:

— Хороший был человек.

Половина хороших людей продолжала жить в соседних домах.

Павел замыкал шествие и комментировал историю здания, хотя никто его об этом не просил.

— Здесь был кружок авиамоделирования. Сорок человек ходило.

— Сейчас что? — спросила Ася.

— Сейчас склад.

— Чего?

Павел открыл дверь. На полу лежали пятнадцать пластиковых палм, картонный танк, две головы лошадей и мешок с надписью «Снег. Не выбрасывать».

— Реквизита.

Ася записала: «Захламление».

В следующем кабинете стояли четыре швейные машинки.

— Костюмерная?

— Была.

— А теперь?

— Теперь кружок дыхательной гимнастики.

На подоконнике лежала пачка сигарет.

Ася ничего не сказала, только сфотографировала.

— Люди сложные, — пояснил Павел.

— Помещения тоже.

Они прошли в большой зал.

Там было холоднее, чем на улице. Красные кресла поднимались к задней стене неровными рядами; у некоторых спинок торчал поролон, похожий на жёлтую внутренность старого зверя. Занавес висел закрытым. По нижнему краю его прогрызла моль, но издали это выглядело как художественная бахрома.

Павел остановился у прохода.

Большой зал всегда действовал на него дурно. Не печально — это было бы слишком просто. Скорее, унижительно. Как встреча с человеком, перед которым ты когда-то хвастался будущим, а теперь вынужден объяснять, почему работаешь сторожем.

Здесь он играл Хлестакова. Здесь получал грамоту. Здесь в двадцать лет репетировал Гамлета для поступления, хотя читал монолог так громко, будто датский принц пытался перекричать токарный цех. Здесь же через полгода после смерти отца вышел на заводскую сцену в

роли ведущего конкурса художественной самодеятельности и впервые понял, что можно долго находиться рядом с мечтой, не приближаясь к ней ни на сантиметр.

— Свет включается? — спросила Ася.

— Рабочий — да. Сценический через раз.

— Включите рабочий.

Павел подошёл к щитку. На крышке чьей-то рукой было написано: «Красный не трогать». Ниже другой рукой добавили: «Кроме Валеры». Какой Валера обладал правом вмешиваться в электричество, Павел не знал. В Доме культуры имена переживали людей.

Он нажал два автомата.

Под потолком зажглись голые лампы. Одна мигнула и сдалась.

Ася раскрыла план здания.

— Ширина зала четырнадцать восемьдесят. Сцена девять двадцать. Глубина сцены по документам шесть метров.

— Ну.

— Не «ну». Покажите заднюю стену.

Павел посмотрел на занавес.

— Там декорации.

— Их нужно убрать.

— Все?

— Те, что мешают увидеть стену.

Дронов сразу оживился.

— Там дерево есть?

— Фанера в основном.

— Фанера тоже деньги, если не считать её мусором.

— Вы именно так и стали успешным человеком? — спросил Павел. — Не считали мусор мусором?

— Я стал успешным, потому что не разговариваю с тем, что через две недели будет погружено в самосвал.

— Павел, — предупредил Геннадий Борисович.

— Что Павел?

— Мы все переживаем. Но решение принято.

— Кем?

Геннадий Борисович поправил пиджак.

— Коллегиально.

— Это когда никто лично не виноват?

Ася поднялась на сцену, не дожидаясь окончания разговора. Павел пошёл за ней. Дронов двинулся следом, а Геннадий Борисович остался в зале, потому что ступеньки не входили в его сегодняшнюю физическую программу.

За занавесом пахло пылью, мокрым деревом и тем особым театральным потом, который не исчезает даже после смерти всех, кто его оставил. На полу стояли декорации: берёзовая роща, кремлёвская стена, европейское кафе, три избушки разной степени бедности. К стене прислонился трон без ножки. На нём мелом написали «Не садиться», что свидетельствовало о редком совпадении формы правления и реальности.

— Это надо вынести, — сказала Ася.

— Куда?

— Пока в зал.

— В зале прощальное мероприятие.

— Какое ещё мероприятие?

Геннадий Борисович снизу услышал вопрос и поспешил ответить:

— Торжественное закрытие. Мы решили достойно проститься со зданием.
Ася посмотрела через край сцены.

— Перед сносом?

— Именно.

— Со зрителями?

— С жителями.

— Жители обычно являются зрителями.

— Будут приглашённые коллективы, ветераны культуры, молодёжь. Возможно, представители области.

Дронов тихо выругался.

— Какого числа?

— Двадцать седьмого.

— А двадцать восьмого я должен ломать?

— Утром.

— То есть ночью тут будут выносить баяны, а я утром заведу экскаватор?

— Валерий Олегович, не драматизируйте.

— Это вы тут драматизируете. Я технику вызвал. У меня смена оплачена. Мне люди нужны трезвые к восьми утра, а они у вас после торжественного закрытия трезвыми только к обеду будут.

— Всё будет организовано.

— В нашем городе организовано только то, что уже произошло.

Павел усмехнулся.

— Умный человек.

— Не привыкай, — сказал Дронов.

Ася тем временем прошла к декорациям. Взялась за край нарисованной берёзовой рощи и попыталась сдвинуть её одна. Павел подошёл помочь.

— Осторожно, она тяжёлая.

— Почему?

— Внутри металлическая рама. Её в семидесятом делали. Тогда всё готовили на случай войны.

— Берёзовую рощу?

— Особенно берёзовую рощу.

Они потянули декорацию на себя. Та сначала сопротивлялась, потом с хрустом оторвалась от пола. Из-под неё выбежала мышь, пересекла сцену и исчезла в сторону кабинета директора.

Дронов проводил её взглядом.

— Последний сотрудник пошёл документы прятать.

За рощей оказалась ещё одна конструкция — потемневшая стенка с нарисованным окном. Её Павел помнил с детства. В этом окне он однажды сидел в костюме петуха и ждал выхода сорок минут, потому что заведующая перепутала музыкальные дорожки.

— И это, — сказала Ася.

— Оно к стене прикручено.

— Чем?

— Всем.

Дронов достал из кармана отвёртку, затем другую, потом маленький ломик. Павел посмотрел на его безрукавку с новым уважением.

— У вас там ещё нотариус есть?

— После обеда приходит.

Они снимали крепления почти двадцать минут. Один болт пришлось спилить. Другой не поддавался, пока Дронов не произнёс несколько технических терминов, редко встречающихся в строительных нормах.

Когда стенку отодвинули, за ней обнаружилась настоящая задняя стена сцены. Кирпичная, тёмная, с полосами старой влаги.

Ася сверилась с планом.

— Не сходится.

— Что? — спросил Павел.

Она достала лазерную рулетку, приложила к краю сцены, измерила расстояние до стены. Повторила. Затем прошла влево и измерила снова.

— Здесь четыре метра восемьдесят.

— И что?

— По плану шесть.

Дронов подошёл ближе.

— Может, план старый.

— План после реконструкции две тысячи девятого года.

— Тогда реконструкция новая.

— Стена где-то на метр двадцать ближе, чем должна быть.

Павел посмотрел на кирпичи.

— Может, ошиблись.

— На метр двадцать?

— В администрации бывает.

Геннадий Борисович снизу кашлянул.

— Павел, давайте без лишнего.

Ася постучала по кладке костяшками пальцев. Глухой звук. Прошла несколько шагов, постучала снова. Потом ещё раз.

В одном месте звук изменился.

Не сильно. Человек, который не искал, не заметил бы. Но Ася искала.

— Здесь пустота.

Дронов тоже постучал.

— Или кладка другая.

— За этой стеной помещение.

Павел нахмурился.

— Нет там никакого помещения.

— По размерам должно быть.

— Я здесь с девяносто шестого года.

— А здание с пятьдесят второго.

— Здесь склад декораций был. Потом мастерская. Я все двери знаю.

— Значит, не все.

Ася достала фонарь и стала осматривать кладку. Кирпичи были разного оттенка. В центре стены, за потемневшими потёками, угадывался прямоугольник более новой кладки — высокий, узкий, почти до самой балки.

Зал за их спинами вдруг показался Павлу огромным и пустым. Геннадий Борисович возился с телефоном. Дронов смотрел на стену уже не как на мусор, а как на объект, способный испортить смету. Ася провела ладонью по кирпичам, стряхнула с пальцев пыль.

— Здесь была дверь.

— Не было, — сказал Павел.

— Была.

— Я бы знал.

- Вы много чего должны были знать. Например, где технический паспорт.
- У директора.
- У директора копия меню с корпоратива и квитанции за шторы.
- Шторы хорошие.

Ася не ответила. Она наклонилась к нижнему ряду кирпичей. В раствор был вбит небольшой металлический уголок, почти полностью скрытый пылью. Она поддела его отвёрткой Дронова.

- Из кладки выпала тонкая пластина.
На ней едва различались несколько выцарапанных букв.
Павел присел рядом.
— Что там?

Ася протёрла металл рукавом.
Надпись была короткой:

КОСТЮМЕРНАЯ № 2

Павел прочитал дважды.
— Второй костюмерной здесь никогда не было.
— Теперь есть, — сказал Дронов. — И это очень плохо.
— Почему?
— Потому что любое неизвестное помещение — это обследование, акт, корректировка проекта, дополнительные работы. А дополнительные работы либо оплачивают, либо делают вид, что их нет.

- Вы за какой вариант?
- Я пока человек законопослушный.
- Пока?
- До первого неоплаченного счёта.

Геннадий Борисович наконец поднялся на сцену. Он дышал тяжело, но старался делать это административно.

- Что случилось?

Ася показала ему пластину.

- За стеной помещение, которого нет в документах.

Геннадий Борисович посмотрел на надпись так, будто она была адресована лично ему и содержала угрозу.

- Нам это обязательно фиксировать?
- Уже зафиксировано.
- А если это просто ниша?
- Ниша глубиной метр двадцать и шириной несколько метров?
- В старых зданиях всякое бывает.
- В старых администрациях тоже, — сказал Павел.
- Павел!
- Я молчу.
- Вы не молчите.
- Внутренне молчу.

Геннадий Борисович подошёл к стене. Постучал пальцем. Услышал пустоту и сразу убрал руку.

- До торжественного закрытия осталось тринадцать дней.
- До сноса четырнадцать, — сказала Ася.
- Я в курсе дат.
- Тогда придётся вскрывать кладку, смотреть помещение, проверять перекрытия и вносить изменения в заключение.

Дронов покачал головой.

— Не успеем.

— Значит, снос перенесут.

Эти слова произвели на каждого разное действие.

Геннадий Борисович побледнел. На месте Дома культуры уже обещали открыть площадку ко Дню города. Правда, День города отмечали через восемь месяцев, но в муниципальной жизни восемь месяцев считались опасно близким сроком.

Дронов перестал улыбаться. Его техника была арендована, люди наняты, договоры подписаны на бумаге, которая не предусматривала существование второй костюмерной.

Павел почувствовал, как внутри него поднимается что-то тёплое и недостойное. Надежда. Не на спасение культуры, конечно. Он был достаточно взрослым, чтобы не путать задержку с победой. Но если снос перенесут хотя бы на месяц, потом найдут нарушения, потом сменился подрядчик, потом выпадет снег, потом документы потеряются. В России здания иногда жили дольше людей исключительно благодаря плохо оформленной папке.

— Может, это знак, — сказал Павел.

— Чего? — спросила Ася.

— Что здание не хочет, чтобы его сносили.

— Здания ничего не хотят.

— Вы с ними мало работаете.

— Я с ними как раз работаю. Хотят обычно люди. Здания трескаются.

— Этот дом полвека людям служил.

— Он полвека стоял. Это разные вещи.

Павел посмотрел на неё.

— Вы всё измеряете?

— По возможности.

— И мечты?

Ася устало убрала рулетку в карман.

— Обычно они не проходят по смете.

Павел почувствовал, что сейчас самое время сказать то, что он собирался сказать с самого утра. Не комиссии. Ей. Потому что она хотя бы смотрела прямо, а не поверх людей в сторону следующего совещания.

— Я здесь на сцене впервые вышел в пятнадцать лет. Играл Хлестакова. Приезжал режиссёр из областного театра. Он мне тогда сказал, что у меня сцена в крови. Звал поступать. Я собирался уехать, но отец умер. Мать одна осталась. Завод предложил место. Потом женился. Дочь родилась. Так и...

Ася слушала.

Это уже было больше, чем обычно.

Павел продолжил:

— Так и не сложилось.

— Что именно?

Он не ожидал вопроса.

— Ну... театр.

— Вы потом пробовали?

— В каком смысле?

— Поступать. Играть. Уехать.

Павел посмотрел на кирпичную стену.

— Потом уже поздно было.

— В двадцать?

— Обстоятельства были.

— Понятно.

Это «понятно» прозвучало хуже насмешки. В нём не было ни жалости, ни уважения к судьбе. Только отметка о полученной информации.

— Вы думаете, я оправдываюсь?

— Я думаю, у нас за стеной помещение.

— Очень удобно.

— Что?

— С людьми так разговаривать. Как с объектами. У этого трещина, у этого несущая способность низкая, этого можно снести.

Ася посмотрела на него. Не обиделась. Это раздражало сильнее.

— Люди хотя бы могут уйти до начала работ.

— Не все.

— Все, Павел Андреевич. Просто некоторые любят рассказывать, что их замуровали.

Дронов свистнул.

— Вот теперь культурное мероприятие началось.

Геннадий Борисович поднял ладонь.

— Коллеги, давайте не переходить на личности. У нас конструктивный вопрос.

— У нас стена, — сказала Ася. — Завтра вызываю обследование. До этого помещение не вскрывать.

— Почему завтра? — спросил Павел.

— Потому что специалисты не живут за занавесом.

— А сегодня?

— Сегодня оформим акт.

Дронов подошёл к кладке и провёл пальцем по раствору.

— Кирпич поздний. Девяностые, может, конец восьмидесятых. Кладили быстро.

— Можно разобрать? — спросил Павел.

— Можно всё разобрать. Вопрос, что потом скажут.

— А что скажут?

— То, что скажут всегда. Что никто не давал разрешения, хотя все стояли рядом.

Геннадий Борисович нахмурился.

— Ничего сегодня не вскрываем. Это распоряжение.

— Запишите его, — сказала Ася.

— Зачем?

— Чтобы завтра оно не оказалось моим.

Он посмотрел на неё без симпатии.

— Ася Сергеевна, мы все здесь одна команда.

— Именно поэтому я и прошу бумагу.

Павел отошёл от стены. На миг ему показалось, что за кладкой что-то шевельнулось. Не мышь. Не труба. Скорее, ткань тяжело скользнула по ткани.

Он прислушался.

Тишина.

Дронов уже обсуждал по телефону технику. Геннадий Борисович диктовал секретарю формулировку акта. Ася фотографировала прямоугольник заложённой двери.

Павел наклонился ближе.

Из-за стены донёсся тихий звук.

Три коротких хлопка.

Пауза.

Ещё два.

Как будто кто-то по ту сторону двери аплодировал очень маленькому, очень плохому спектаклю.

— Вы слышали? — спросил Павел.

— Что? — Ася обернулась.

Он подождал.

Больше ничего.

— Ничего.

— Тогда идём дальше. Нужно посмотреть подвал.

Комиссия покинула сцену. Дронов ушёл первым, всё ещё разговаривая по телефону и обещая кому-то, что «эта богадельня ляжет по графику». Геннадий Борисович спускался осторожно, держась за кулису, словно она могла повлиять на его карьеру. Ася задержалась у края сцены.

— Закройте зал после осмотра, — сказала она Павлу. — И стену не трогайте.

— Я похож на человека, который не выполняет распоряжения?

Она посмотрела на его кружку, оставленную в вестибюле, на самодельную проводку у щитка и на табличку «Красный не трогать. Кроме Валеры».

— Очень.

Павел дождался, пока они уйдут.

Потом вернулся к заложенной двери.

Он положил ладонь на холодный кирпич.

Сначала ничего не произошло. Потом за стеной едва слышно скрипнуло дерево. Будто кто-то поднялся со старого стула.

Павел отдернул руку.

И тогда из глубины замурованной костюмерной раздался одинокий хлопок.

Не аплодисмент.

Скорее приглашение.

Глава 2. Дверь, которой нет на плане

К десяти утра неизвестное помещение успело получить официальный статус.

В документах оно называлось «ранее неучтённый внутренний объём предположительно хозяйственного назначения». Геннадий Борисович настоял на слове «предположительно», потому что оно оставляло администрации возможность позже утверждать, что никто ничего не обнаруживал. Ася настояла на слове «объём», потому что помещение следовало измерить. Дронов предлагал написать «пустота» и залить её бетоном, но его формулировку отклонили как чрезмерно честную.

Акт составили в трёх экземплярах. Первый предназначался управлению капитального строительства, второй — отделу культуры, третий никто не хотел брать, поэтому его отдали Павлу.

— А мне зачем? — спросил он.

— Вы материально ответственное лицо, — сказал Геннадий Борисович.

— За помещение, которого нет?

— Пока оно не обследовано, вы отвечаете за то, чтобы с ним ничего не произошло.

Павел посмотрел на заложённую дверь.

— А что с ним может произойти?

— Именно это потом и будут выяснять.

Муниципальная система умела назначать виновного быстрее, чем находить проблему. Если в городе падало дерево, сначала определяли, кто должен был его предвидеть, а уже затем убирали дерево. Иногда к этому времени оно успевало дать новые корни.

На сцене появились двое рабочих Дронова. Один был тощим, длинным и носил строительную каску поверх вязаной шапки. Второй выглядел так, будто каска ему не требовалась: голова у него имела форму и выражение промышленной детали. Их звали Ринат и Саня. Кто из них кто, Павел не запомнил, потому что оба отзывались на «мужики» и на матерные слова средней тяжести.

Рабочие принесли перфоратор, лом, две кувалды и радио, способное принимать только одну станцию. Станция передавала поздравления с днём рождения людям, которые, судя по музыкальным заказам, пережили распад страны исключительно благодаря шансону.

— Аккуратно вскрываем два ряда, — распорядилась Ася. — Сначала смотрим, что за кладкой. Несущие элементы не трогаем.

Дронов стоял рядом и жевал зубочистку.

— Там перегородка. Какие ещё несущие элементы?

— Те, которые вы заметите после обрушения.

— Я двадцать лет здания разбираю.

— Поэтому я и уточняю.

Дронов вынул зубочистку.

— Ася Сергеевна, у вас ко мне какая-то личная неприязнь?

— Нет. Личная неприязнь требует времени. У нас только рабочая.

Геннадий Борисович, находившийся в зале на безопасном расстоянии от пыли и ответственности, поднял ладонь.

— Коллеги, мы собрались не для конфликта.

— Мы вообще не собирались, — сказал Дронов. — Вы меня вызвали.

— Значит, тем более.

Рабочие начали с верхнего кирпича. Перфоратор взывал, заглушая радио, чиновников и остатки уважения к архитектуре. В воздух поднялась красная пыль. Геннадий Борисович

немедленно надел медицинскую маску с эмблемой городского форума «Среда возможностей», проходившего два года назад в школе, где не работали туалеты.

Павел стоял у кулисы и наблюдал, как из стены один за другим вынимают кирпичи. Ему было неприятно. Не потому, что разрушали здание: последние годы Дом культуры разрушал себя самостоятельно и с гораздо большим энтузиазмом. Скорее, происходящее напоминало вскрытие родственника, с которым при жизни плохо общался, но после смерти внезапно решил, что между вами существовала особая связь.

За первым рядом обнаружился второй. Между ними лежали старые газеты, свёрнутые в плотные трубки. Саня или Ринат вытащил одну и развернул.

— Восемьдесят девятый, — сказал он. — «Город встречает перемены».

— Встретил, — заметил Дронов.

На фотографии молодой Геннадий Борисович, тогда ещё секретарь комсомольской организации ремонтного завода, вручал кому-то переходящий вымпел. У него были волосы, талия и выражение человека, который ещё не выбрал, за какие убеждения будет получать зарплату.

Павел показал газету заместителю главы.

— Вы тут.

Геннадий Борисович взглянул.

— Не я.

— Вылитый вы.

— Фотография плохая.

— Усы ваши.

— Усы тогда у многих были.

Он забрал газету, сложил её и сунул под мышку. История города регулярно исчезала именно так: кто-нибудь узнавал себя и решал, что документу лучше не сохраняться.

Когда разобрали кладку по пояс, за ней показалась тёмно-зелёная металлическая поверхность. Дверь действительно существовала. Она была высокой, узкой и тяжёлой, с выступающими заклёпками и круглой ручкой, которую несколько слоёв краски превратили в зелёный нарост. По краям двери тянулась резиновая прокладка, потрескавшаяся, но всё ещё плотная. Так обычно закрывали помещения, откуда не хотели выпускать запах, холод или правду.

— Противопожарная, — сказал Дронов.

Ася провела пальцем по краю.

— Переделанная.

— Из чего?

— Не знаю.

— Тогда почему переделанная?

— Потому что противопожарные двери не обивают изнутри тканью.

Все посмотрели в узкую щель между дверью и кладкой. Там действительно виднелась тёмная материя. Похоже на бархат.

Павел ощутил знакомый холодок в животе. Такой появлялся у него перед выходом на сцену и перед звонками из банка. В обоих случаях требовалось изображать человека, который контролирует ситуацию.

Рабочие убрали ещё несколько кирпичей. Показалась вся дверь и небольшая табличка над ней. На табличке, под слоями краски, проступало:

«КОСТЮМЕРНАЯ № 2».

— Всё, — сказала Ася. — Дальше не вскрываем.

Дронов удивлённо посмотрел на неё.

— А дверь открыть?

— После обследования.

— Мы для чего два часа ломали стену?

- Чтобы подтвердить наличие помещения.
- Подтвердили. Теперь надо подтвердить, что внутри.
- В акте этого нет.
- Добавим.
- Не добавим.

Дронов посмотрел на дверь, потом на Асю, потом на рабочих. Рабочие с интересом ждали, кто победит, поскольку победитель обычно определял, когда можно идти курить.

— Ася Сергеевна, — сказал он медленно, — если там склад старых тряпок, мы потеряем три дня и деньги.

- Ваши?
- В том числе мои.
- Тогда я начинаю понимать срочность.
- Я подрядчик. Мне за сроки платят.
- Вам платят за безопасный снос.
- Это одна и та же услуга, только безопасный дольше.

Геннадий Борисович поднялся на сцену. Маску он снял, но на лбу осталась красная полоса от резинки, придававшая ему вид человека, недавно проигравшего борьбу с очень маленьким бустгальтером.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.